

К.В.Душенко
«ТЮРЬМА НАРОДОВ»:
РОЖДЕНИЕ МЕТАФОРЫ

Константин Васильевич Душенко — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела культурологии Института научной информации по общественным наукам Российской Академии наук. Для связи с автором: kdushenko@nl.n.ru.

Аннотация. В статье рассматривается возникновение образа «тюрьма народов» в европейской культуре. Чаще всего этот образ возводят к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году». Однако де Кюстин, в сущности, замечает в Российской империи лишь один поработанный народ, а именно польский. Представление о «тюрьме народов» укоренилось лишь после выхода на политическую сцену «неисторических» народов Центральной и Восточной Европы. Образ России как тюрьмы народов восходит к польской и в еще большей степени к украинской литературе и публицистике. В украинской печати именование России тюрьмой народов становится обычным в 1900-е годы. В наиболее развернутом виде эта метафора представлена в статье «Единство или распадение?» Михаила Грушевского. Важную роль образ тюрьмы народов играл в программных документах австрофильских украинских организаций эпохи Первой мировой войны. При этом украинские деятели не забывали и о польском национализме, который «хотел бы построить новую „тюрьму народов“» в возрожденной Польше. В польской печати 1900—1917 гг. о тюрьме народов упоминалось реже, и не в документах программного характера. Ленин, по-видимому, заимствовал формулу «тюрьма народов» из украинской либо польской печати. Из ленинской публицистики она перешла в советский политический язык. Вплоть до Первой мировой войны тюрьмой народов именовалась почти исключительно Россия; затем эта метафора стала применяться и к другим странам, прежде всего к Австро-Венгрии.

Ключевые слова: политический язык, национализм, империя, русско-украинские отношения, Астольф де Кюстин, Юзеф Игнацы Крашевский, Михаил Грушевский, Владимир Ленин

Существуют два устойчивых представления о происхождении метафоры «тюрьма народов». Согласно первому, метафора считается ленинской; согласно второму, ныне преобладающему в России, она по-

явилась в Западной Европе в середине XIX в. Первое неверно, а второе сомнительно — во всяком случае, если речь идет о России как «тюрьме народов».

* * *

Чаще всего образ тюрьмы народов возводят к книге Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1843), самому известному зарубежному сочинению о России. «Империя эта, — писал де Кюстин, — при всей своей необъятности — не что иное, как тюрьма, ключ от которой в руках у императора», а Николай I — «тюремщик третьей части земного шара»¹.

¹ Кюстин 2008: 225, 357.

Из этих цитат (в другом переводе) в справочнике по крылатым словам следует вывод: «Образ, созданный де Кюстином, не был забыт и вошел в нашу речь в лаконичной формулировке „тюрьма народов“².

² Ашукин и Ашукина 1960: 613.

Действительно, образ николаевской России как огромной тюрьмы проходит лейтмотивом через всю книгу де Кюстина; в этой тюрьме все узники, сверху донизу. Однако Кюстин, в сущности, замечает в Российской империи лишь один порабощенный народ, а именно польский. «Средства, способствующие прогрессу у калмыков, — полагает он, — являются преступлением по отношению к народу, далеко ушедшему по пути цивилизации»³. И даже тут де Кюстин делает оговорку: «китайская стена», разделяющая Россию и Францию как представительницу Европы, — «славянский характер и язык», а в этом отношении поляки оказываются в одном ряду с русскими: «за Вислой начинается Сибирь»⁴.

³ Кюстин 2008: 349.

⁴ Там же: 159.

И далее: «Власть над народами более дикими и рабскими, нежели она сама, принадлежит России по праву; эта власть — ее удел, она, простите мне это выражение, начертана в книге ее будущего; что же до влияния России на народы более просвещенные, оно весьма сомнительно»⁵. «Более просвещенными» во времена де Кюстина считались, кроме поляков, прибалтийские немцы и шведы Финляндии; но те и другие едва ли могли рассматриваться как особые народы, тем более — как народы порабощенные.

⁵ Там же: 496.

Тем не менее в первом русском переводе (а не пересказе) книги Кюстина (1996) мы находим выражение «тюрьма народов»: «...Тюрьма, дворец, святилище; крепостной вал для защиты от иноземцев, укрепленный замок для защиты от черни, оплот тиранов, тюрьма народов — вот что такое Кремль!»⁶.

⁶ Там же: 404.

⁷ Cachot — тюремная камера без окон, каземат, а также карцер; русскому слову «тюрьма» обычно соответствует «prison».

В оригинале: «geôle, palais, sanctuaire; boulevard contre l'étranger, bastille contre la nation, appui des tyrans, cachots⁷ des peuples»⁸. Автор английского перевода, вышедшего почти одновременно с французским изданием, не обнаружил в этом пассаже «народов» и перевел: «a bulwark against the nation's foes, a bastille against the nation, a prop of tyrants, a prison of people» («бастион против врагов нации, крепость против нации, оплот тиранов, тюрьма народа») ⁹.

⁸ Custine 1843a: 288.

⁹ Custine 1843b: 304.

В самом деле: контекст высказывания не позволяет увидеть тут народы во множественном числе. Кремль для Кюстина — резиденция

Ивана Грозного, а не российских императоров. Мысль о Московском государстве XVI в. как о тюрьме народов была совершенно чужда образованному европейцу 1840-х годов. К тому же Кремль, вполне конкретное сооружение, едва ли годился на роль метафорической «тюрьмы народов». Нам не известен ни один случай подобного словоупотребления: «тюрьма народов» неизменно предполагает некое географическое пространство.

В этом фрагменте «la nation» — не чернь, а народ как нация. «Peuples» обычно означает «народы», но встречается также в значении «народ», «население». Это значение к середине XIX в. воспринималось, по видимому, как устаревшее, однако в процитированном фрагменте речь идет о глубоком прошлом; именно поэтому Кюстин пользуется словом «geôle» (темница). Возможный перевод процитированного фрагмента: «...Темница, дворец, святилище; бастион для защиты от чужеземцев, крепость для защиты от соотечественников, оплот тиранов, казематы для народа».

Первое известное нам упоминание о тюрьме народов в западной печати появилось уже после Весны народов (1848—1849) и принадлежало Лайошу Кошуту, вождю Венгерской революции. В речи, прочитанной им в Плимутской церкви Нью-Йорка 18 декабря 1851 г., говорилось о «миролюбцах», которые желали бы сохранить спокойное положение дел в Европе; но «спокойное положение дел — это просто тюрьма народов (the prison of nations)¹⁰. Здесь метафора относится к Европе в целом, причем Кошут, конечно, имел в виду только «исторические народы», отнюдь не включая в их число славян Австрийской империи (кроме поляков).

¹⁰ *The Life 1852:*
122—123.

Пять лет спустя французский историк Ипполит Кастий писал о политике Австрии после Весны народов: «...Скорее тюремщица народов, чем тюремщица нации (geolière de peuples plutôt que nation), она трудилась ради демократических идей, потому что именно в тюрьмах подобные мысли ценятся выше всего; <...> в конечном итоге она становится всего лишь полицией (la gendarmerie) Центральной Европы на благо России¹¹. Здесь, как мы полагаем, нет речи специально о национальном угнетении; автор скорее хотел подчеркнуть, что Австрия не нация, а конгломерат различных этносов (peuples).

¹¹ *Castille 1856:*
141.

Образ Австрии как «тюремщицы народов» не получил развития во французской печати XIX в.; то же относится к обороту «the prison of nations» в англоязычной печати. Кюстиновский оборот «cachots des peuples» также никогда не использовался в значении «тюрьма народов».

В статье немецкого востоковеда и дипломата Георга Розена «Русский экспансионизм» читаем: «Мы еще не утратили надежду на то, что царская империя когда-нибудь окончательно перестанет быть огромной тюрьмой народа (VölkerGefängnis)¹². В публицистике XX в. «Völkergefängnis» — «тюрьма народов», но контекст статьи Розена исключает такое понимание; «Völker» здесь буквально означает «людей». Национальный вопрос в статье не затрагивается, речь идет лишь о русском народе, он

¹² *Rosen 1887:* 299.

же «московитский народ» (Moskowiter-Volke), состоящий, по мнению автора, «из множества разных племен (Stämmen), имеющих мало общего с настоящим славянством»¹³.

¹³ *Ibidem.*

* * *

Образ России как тюрьмы народов восходит к польской и, вероятно, в еще большей степени к украинской литературе и публицистике.

В 1832 г. увидел свет цикл стихотворений Адама Мицкевича о России, помещенный в поэме «Дзяды. Часть третья» под общим заглавием «Отрывок» («Ustęp»)¹⁴. В предисловии к поэме Мицкевич пишет о территориях Речи Посполитой, отошедших к России: «...Вся страна, от Просны до самого Днепра и от Галиции до Балтийского моря, была изолирована и превращена в громадную тюрьму. Весь административный аппарат превращен был в одно гигантское орудие пытки для поляков»¹⁵. Уточнение «для поляков» лишний раз свидетельствует о том, что для Мицкевича население Речи Посполитой составляет одну нацию с общей историей и культурой: в «громадной тюрьме от Галиции до Балтийского моря» содержался, в представлении автора «Дзядов», только один народ.

¹⁴ *Образ России в этом цикле см. Душенко 2019а.*

¹⁵ *Мицкевич 1952: 125.*

Пожалуй, ближе к образу российской тюрьмы народов подошел Тарас Шевченко, представитель нации «неисторической», с точки зрения тогдашнего европейца:

А тюрем! а люду!.. Що й лічить!
Од молдованина до фінна
На всіх языках все мовчить...
[А тюрем! а народу!.. Не сосчитать!
От молдаванина до финна
На всех языках всё молчит...]
(Поэма «Кавказ», 1845)¹⁶.

¹⁶ *Шевченко 1957: 280.*

Самым популярным польским прозаиком до Генрика Сенкевича был Юзеф Игнацы Крашевский (1812—1887). Попыткой осмыслить поражение Польского восстания 1863—1864 гг. стала его повесть «Мы и Они» (1865). Описание России дается здесь в духе III части «Дзядов» Мицкевича:

«Кто видел, кто описал эту страну — закрытую, замкнутую, закланную, усыпленную, зажатую в железных тисках деспотизма, эту огромную тюрьму народов (więzienie ludów)? Если и вырвется из нее охваченный ужасом невольник, губы его дрожат, он не смеет сказать, что видел, чтобы голос его не достиг ушей мучителей, чтобы незримые руки не схватили его опять и не затворили навеки в этой гробнице живых. <...>

Над тысячемильной пустыней, где человек проходит редко и боязливо, царит гробовая тишь — ни отрадного гомона жизни, ни раскованности свободы; беспокойно пробегает просторы испуганный раб,

¹⁷ Kraszewski 1865: 237—238.

только цепи гремят да стон раздается — в назидание прочим, и команда перекатывается из уст в уста: молчать и повиноваться!»¹⁷

Но и тут контекст заставляет усомниться в том, что речь идет о порабощенных народах во множественном числе. Кроме поляков («Мы») и «москалей» («Они»), никаких других народов в повести нет; и едва ли Крашевский — как и Мицкевич — считал отдельными народами непольскоязычное население Речи Посполитой. Заметим также, что во времена Крашевского русскому слову «народ» в значении «нация» соответствовало слово «naród», тогда как слово «lud» относилось к этническим общностям более низкого порядка. В сетевом словаре Польского научного издательства дается следующее определение «lud» в этом (этническом) значении: «Люди, проживающие на одной территории, имеющие общую культуру и язык, но не обладающие национальным самосознанием и традицией государственности»¹⁸.

¹⁸ Lud s.a.

Несмотря на огромную популярность Крашевского-романиста, выражение «więzienie ludów», по-видимому, не получило заметного отклика в польской печати XIX в.; художественная метафора еще не вошла в политический язык. Оборот «więzienie narodów» (то есть собственно наций) встречается у львовского католического проповедника Блажея Яшовского, но в совершенно другом контексте: «...Ложное просвещение... провозгласило его (Христа. — К.Д.) царство, то есть святую католическую церковь, делом рук человеческих, узилищем народов, порабощением свободы человека»¹⁹.

¹⁹ Jaszowski 1895: 69.

* * *

Политическое развитие Европы с середины XIX в. шло под знаком «принципа национальностей» (*фр.* principe des nationalités). Долгое время и в либеральных, и в революционных кругах этот принцип применялся лишь к «историческим нациям». «...Принцип национальностей, — писал польский католический публицист граф Эдуард Лубеньский, — <...> требует, чтобы народы, имеющие свой язык и свою историю, не находились под чужеземной властью. Чем более цивилизован народ, чем отчетливее его индивидуальный характер, чем больше его слава в прошлом, тем больше несправедливости в угнетении столь развитой нации»²⁰.

²⁰ Lubiński 1852: 15.

Фридрих Энгельс в 1866 г. разъяснял: «...Мы видим различие между „принципом национальностей“ и старым положением демократии и рабочего класса о праве крупных европейских наций на отдельное и независимое существование». «Право на национальное существование», по Энгельсу, принадлежит «историческим народам Европы». В Восточной Европе он видит лишь «груды перемешанных обломков наций, которые даже и теперь этнолог едва может различить, и где в полном беспорядке перемешаны турки, финские мадьяры, румыны, евреи и около дюжины славянских племен»²¹.

²¹ Энгельс 1960: 161, 162.

²² Наименование это условно; как правило, национальные идеологи обращались к прерванной традиции собственной государственности — реальной или заново конструируемой.

«Неисторические» народы²² вышли на политическую сцену сперва в Австрийской и Османской империях, а в Российской — лишь на рубе-

же XIX—XX вв. Новые национальные движения опирались по преимуществу на непривилегированные слои, а их политические организации с конца XIX в. тяготели к лагерю социал-демократии. Именно поэтому в 1896 г. Лондонский конгресс II Интернационала провозгласил «право всех наций на самоопределение» (курсив наш. — К.Д.). Тогда же, на рубеже XIX—XX вв., выражение «тюрьма народов» входит в политический язык — и почти всегда речь идет о России, в которой положение национальных меньшинств было, вообще говоря, гораздо хуже, чем в соседней Австро-Венгрии.

* * *

В 1899 г. в Галиции была основана Украинская социал-демократическая партия (УСДП), а в 1900 г. — ее филиальная студенческая организация «Молодая Украина». Осенью 1900 г. член УСДП Евгений Косевич поместил в журнале «Молодая Украина» некролог Вильгельму Либкнехту. Одну из главных заслуг Либкнехта Косевич видел в том, что «Россия, эта „тюрьма народов“ (тюрма народів), была для него олицетворением тирании, а борьба против России — отправной точкой его взглядов на внешнюю политику»²³.

²³ Косевич 1900: 341.

Тут следует заметить, что Либкнехт действительно считал самодержавную Россию главной угрозой европейской демократии и даже европейской цивилизации, но вместе с тем, как и Энгельс, отвергал «принцип национальностей» — «наиболее удобный для деспотов способ разъединения народов согласно правилу *divide et impera* (разделяй и властвуй!)»²⁴. Как и Энгельс, он говорил лишь о необходимости восстановления Польши. Национальный вопрос на перифериях Западной Европы был для Либкнехта инструментальным; именно поэтому во время Восточного кризиса 1870-х годов он отрицал национальное угнетение славян в Османской империи.

²⁴ Liebknecht 1878: 43.

В 1900-е годы именование России тюрьмой народов становится обычным в украинской публицистике. С 1903 г. группа украинских депутатов австрийского рейхсрата издавала в Вене журнал «Украинское обозрение» на немецком языке²⁵. Студент-юрист Мелетий Кичура писал в одном из его номеров: «...Украинцы у себя дома, будь то в дорогой Австрии, будь то в русской тюрьме народов (Völkerkerker²⁶), лишены как своих национальных, так и гражданских прав»²⁷.

²⁵ *Ruthenische Revue*, с 1906 г. *Ukrainische Rundschau*.

²⁶ *Kerker* — крепкая (подземная) тюрьма, в отличие от просто тюрьмы — *Gefängnis*.

В июне 1906 г. историк Михаил Грушевский, профессор Львовского университета и один из главных идеологов украинского национального движения, опубликовал в Петербурге статью «Единство или распадение?». Здесь метафора «тюрьма народов» дана в наиболее развернутом виде:

²⁷ Kiczura 1903: 137.

«„Княжения и народы“ влеклись, как закованные невольники, за триумфальной колесницей правящей бюрократии <...> Тюрьма народов разрасталась и распространяла свои помещения, увеличивала свои штаты и оклады и умножала армию на вербованных из отбросов тех же

народов опричников, охранявших камеры арестованных и разработавших все новые и новые способы предупреждения и пресечения.

Теперь, когда восставший народ разбивает стены всероссийской бастилии, тюремщики поднимают крик, пугая народ тем, что в случае ее разрушения готовы разбежаться все эти заключенные „княжения и царства“, „покоренные народы“ <...> Представители „покоренных народов“ отвечают уверениями, что они вовсе не замышляют удирать из дома предварительного заключения, в котором содержались до сих пор, и останутся верными единству и нераздельности России». Но, продолжает Грушевский, «уверения, хотя бы и клятвы на кандалах, которые даются невольниками пред выпуском их на свободу, не внушают никогда особого доверия». «Тюрьма народов может сохранить своих жильцов, лишь пока заперта и охраняется, в ней нет добровольных жителей». Поэтому «нужно немедля вступить на путь создания таких условий... которые превратили бы камеры предварительного заключения в свободные квартиры, в которых члены государственного союза чувствовали бы себя полноправными и свободными жильцами, а не подневольными узниками»²⁸.

²⁸ Грушевский 1906: 143—144, 148, 150—151.

Значение этой статьи специально отметил Иван Франко: «Проф. Грушевский в ответ на крики русских бюрократов и централистов, что современное освободительное движение грозит распадом единства России, в превосходном историческом очерке показывает, что такого единства нет и никогда не было, что Россия скорее тюрьма народов, чем единое государство»²⁹.

²⁹ Франко 1906: 338.

В апреле 1912 г. украинские партии Галиции выступили с воззванием о создании во Львове украинского университета. Риторика этого документа предвосхищала стиль воззваний Союза освобождения Украины в годы Первой мировой войны. Вопрос об украинском университете, утверждалось в нем, затрагивает всю Украину «от Карпат до Дона». «Вся Европа, весь цивилизованный мир не будут в безопасности, пока не будет построена плотина против хищнического наступления царизма на Запад, пока народы, закованные царизмом в цепи рабства, не обретут силу, чтобы сокрушить царскую империю, эту самую ужасную тюрьму народов»³⁰.

³⁰ Цит. по: Manifest 1912: 3.

В Первую мировую войну украинские организации в Австро-Венгрии держались австрофильской ориентации: поражение России должно было стать прологом к созданию независимой Украины. В начале августа 1914 г. Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) выпустила воззвание «К украинской интеллигенции в России». В 1905—1906 гг., говорилось здесь, потерпела неудачу попытка «превратить тюрьму народов в конституционное государство». Нынешняя война означает возможность «разрушить ненавистную нам тюрьму народов, самодержавную, империалистическую Россию, которая душит в своих лапах и сосет кровь уже столько народов и все еще хочет захватывать новые народы и новые земли»³¹.

³¹ Ручка 1915: 3, 4.

Созданный в Галиции Союз освобождения Украины своей ближайшей целью поставил создание конституционно-монархического

украинского государства под протекторатом Германии и Австрии. Передовица первого номера «Вестника Союза освобождения Украины» заканчивалась словами:

«Веря в окончательную победу австро-венгерской и немецкой армий и в разгром России, украинцы верят и в то, что на руинах российской империи, этой тюрьмы народов, возникнет

Свободная Независимая Украина»³².

В воззвании Союза «К украинскому народу в России» заявлялось, что австрийская армия «поможет сокрушить проклятую тюрьму народов, которая зовется царской империей»³³.

Редактор «Украинского обозрения» Владимир Кушнир писал о «чувстве сердечной радости, которое должен испытать... каждый народ, не исключая славян, если Провидение наградит объединенные усилия Центральных держав победой над тюрьмой народов, ненавистной каждому культурному человеку»³⁴.

С самого начала войны пропаганда ненависти достигла небывалого накала; при этом с обеих сторон был задействован весь арсенал наиболее одиозных национальных стереотипов. Именно в этом духе выдержаны пропагандистские документы Союза освобождения Украины. В «Обращении к болгарскому народу» от 25 августа 1914 г. Российская империя названа «могилой народов», которую следует «отбросить... к этнографическим границам старого московского царства»³⁵. В обращении «К общественному мнению Европы» от 5 октября 1914 г. утверждалось, что «война идет между культурой и варварством», а именно «панмосковитизмом» и «азиатским варварством москалей»³⁶.

В 1915 г. украинский физик Иван Пулюй (1845—1918), один из пионеров рентгенографии, издал на немецком языке брошюру «Украина и ее международное политическое значение». «Огромная российская империя, — говорилось в ней, — по праву зовется во всем мире „тюрьмой народов“»³⁷ (утверждение, заметим, неверное на момент написания брошюры). Русские («московиты») представлены в брошюре варварами, угнетающими более культурные народы; независимая Украина необходима Европе как «мощный оплот против монгольско-московитского потопа»³⁸.

Однако украинские деятели не забывали и о другом своем противнике — польском национализме. В 1915 г. социал-демократ Михаил Лозинский, активный участник Союза освобождения Украины, выступил со статьей «Как поляки понимают свою свободу». Согласно Лозинскому, польские националисты «хотели бы построить новую „тюрьму народов“, на сей раз под флагом Польши, где украинцы, белорусы, литовцы и другие народы, проживающие на этих территориях, такие как немцы и евреи, будут и дальше задыхаться, как ныне в России, лишь бы поляки могли стать европейской державой»³⁹. Подобные высказывания встречались затем в украинской печати 1920—1930-х годов.

³² *Наша платформа 1914*: 2.

³³ *До українського 1914*.

³⁴ *Kuschnir 1915*: 94.

³⁵ *Відозва 1914*: 5.

³⁶ *До громадської 1914*.

³⁷ *Puluj 1915*: 26.

³⁸ *Ibid.*: 38.

³⁹ *Lozyns'kyi 1915*: 119.

В польской печати 1900—1917 гг. о тюрьме народов упоминалось реже, и не в документах программного характера. В 1902 г. Тадеуш Гружевский, принадлежавший к национально-демократическому лагерю (так называемой эндеции), опубликовал статью «Прежние и нынешние представления о России», где, в частности, отмечалось, что в эпоху романтизма «нашим политикам... и не только политикам, царизм представлялся как черная бездна реакции, как огромная тюрьма народов (więzienie ludów), а Сибирь, арестантские роты, наконец, кнуты не были всего лишь метафорой»⁴⁰.

⁴⁰ *Grużewski 1904: 2.*

Не отказываясь от этого представления целиком, Гружевский предлагал подвергнуть его ревизии. В середине XIX в., напоминал он, «русская литература еще не вошла в Европу, никто еще не слышал о русской науке... царский режим казался последовательным в своей дикости»⁴¹. С тех пор Россия, оставаясь страной деспотической, достигла немалых успехов на поприще цивилизации, и общественное мнение Европы, «вообще говоря, относится к России благожелательно»⁴². Польскому элементу предстоит нелегкая борьба за влияние на территориях бывшей Речи Посполитой, и в этой борьбе ее условным союзником может стать зарождающееся в России украинское движение.

⁴¹ *Ibidem.*

⁴² *Ibid.: 10.*

О России как о тюрьме народов писали также авторы краковского ежесеместричника «Крутыка», неформальной трибуны Польской социалистической партии.

Ранний известный нам пример употребления оборота «тюрьма народов» в отношении Австрии — статья Франца Йессера «Об австрийской тюрьме народов под тиранией немцев» (ноябрь 1916 г.), однако здесь это наименование критикуется. Йессер (1869—1954), судетский немец и депутат рейхсрата, решительно отвергает образ Австрии как тюрьмы народов, внедряемый пропагандой стран Антанты. Он готов признать, что в венгерской части империи положение меньшинств действительно незавидно; зато народы ее австрийской части обладают широкой административной и культурно-языковой автономией. «Мы желаем ирландцам, французским итальянцам, фламандцам во Франции и Бельгии, не говоря уж о народах России, чтобы им поскорее было ниспослано благословение подобного угнетения». Славяне в Австрии «пользуются такими национальными свободами, *каких не предоставляют своим народностям ни одно государство Четверного согласия*»⁴³.

⁴³ *Jesser 1916: 179.*

Формула «австрийская тюрьма народов» получила широкое хождение в чешской печати (*řakouské vřzení nřadů*), но лишь *после* крушения монархии Габсбургов.

В апреле 1914 г. Владимир Ленин написал проект речи Григория Петровского, председателя большевистской фракции IV Государственной думы, по поводу запрещения празднования 100-летия Шевченко.

Речь произнесена не была; ленинский проект (под заглавием «К вопросу о национальной политике») вышел в свет лишь в 1924 г. Согласно Ленину, после запрещения празднования «миллионы и миллионы „обывателей“ стали... убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть „тюрьма народов“»⁴⁴.

⁴⁴ Ленин 1969a: 66.

С лета 1912 по лето 1914 г. Ленин жил в Галиции. В это время он особенно живо интересовался национальным вопросом, в том числе украинским национальным движением, и можно предположить, что формула «тюрьма народов» была заимствована им из украинской либо польской публицистики.

В статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь 1914 г.) Ленин заявляет: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют „тюрьмой народов“»⁴⁵.

⁴⁵ Ленин 1969b: 106—107.

В 1927 г. была опубликована статья «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение», написанная Лениным на немецком языке в октябре 1915 г. Здесь цитировалась статья Карла Радека (под псевдонимом Parabellum) «Аннексии и социал-демократия»⁴⁶:

⁴⁶ Parabellum 1915.

«...Не только военная стража удерживает народы в этой „тюрьме народов“, но и потребности капиталистической экспансии». Ленин повторяет это высказывание: «Россия есть тюрьма народов»⁴⁷. Использованный Радеком оборот «Zuchthaus der Völker» (*букв.* «каторжная тюрьма народов») в позднейшей немецкоязычной печати встречается только как цитата из Ленина.

⁴⁷ Ленин 1969c: 67.

В начале 1930-х годов в СССР окончательно утвердилась формула «Царская Россия — тюрьма народов». 6 июля 1935 г. к 12-летию первой Конституции СССР Советская площадь Ленинграда была украшена двумя панно: «СССР — братство трудовых народов» и «Царская Россия — тюрьма народов»⁴⁸. В 1938 г. эта формула была включена в «Краткий курс истории ВКП(б)».

⁴⁸ Савицкий 2014.

Ставшая в СССР канонической работа Иосифа Сталина «Марксизм и национальный вопрос» (1913) своим главным предметом имела «проснувшиеся к самостоятельной жизни оттесненные нации»⁴⁹. «Период контрреволюции в России, — говорилось в ней, — принес... неверие в общие силы. <...> ...Люди начали расходиться по национальным квартирам»⁵⁰.

⁴⁹ Сталин 1954: 303.

⁵⁰ Там же: 290.

Метафора «разойтись по национальным квартирам» чрезвычайно близка к цитировавшейся выше метафоре Грушевского о «свободных квартирах» для народов федеративной России, «разбегающихся» из имперской тюрьмы. Обороты «разойтись по национальным квартирам», «разбежаться по национальным квартирам», «расташить по национальным квартирам» и т.д. стали обычными с конца 1980-х годов⁵¹. Их сталинская генеалогия была позабыта; теперь за ними просматривалась — помимо воли цитирующих — метафора расселенной советской коммуналки.

⁵¹ См. Душенко 2019b: 258.

История метафоры «тюрьма народов» требует более основательного исследования, но некоторые выводы можно сделать уже сейчас:

- 1) метафора устойчиво вошла в политический язык на рубеже XIX—XX вв.;
- 2) решающую роль тут сыграла украинская и отчасти польская публицистика;
- 3) вплоть до Первой мировой войны метафора относилась почти исключительно к России, а затем стала применяться и к другим странам, прежде всего к Австро-Венгрии.

Бібліографія

Ашукин Н.С. и М.Г.Ашукина. (1960) *Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения*. М.: Художественная литература.

«Відозва Союзу визволення України до болгарського народу». (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 4—5.

Грушевский М.С. «Единство или распадение?» // *Украинский вестник*, № 3: 139—151.

«До громадської думки Європи!» (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 2.

«До українського народу в Росії!» (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 8.

Душенко К.В. (2019а) «Два Петра и два Петербурга: Мицкевич и Пушкин» // *Человек: образ и сущность*, № 5: 202—234.

Душенко К.В. (2019б) *Русская история в изречениях и цитатах: Справочник*. М.: Азбука-Аттикус.

Косевич Е. (1900) «Над съвижою могилою» // *Молода Україна*, т. 1, № 9/10: 341—349.

Кюстин А. де. (2008) *Россия в 1839 году*. СПб.: Крига.

Ленин В.И. (1969а) «К вопросу о национальной политике» // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 25. М.: Политиздат: 64—72.

Ленин В.И. (1969б) «О национальной гордости великороссов» // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 26. М.: Политиздат: 106—110.

Ленин В.И. (1969с) «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*. Т. 27. М.: Политиздат: 61—68.

Мицкевич А. (1952) *Собрание сочинений*. В 5 т. Т. 3. М.: Художественная литература.

«Наша платформа». (1914) // *Вісник Союзу визволення України*, № 1: 1—2.

Ручка Ю. (1915) *Російські соціалісти і теперішня війна*. [Відень?]: Партійна друкарня.

Савицкий С. (2014) «Формирование парка культуры и отдыха в Петергофе» // *Новое литературное обозрение*, № 2: 132—140. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/126-2014> (проверено 14.03.2021).

- Сталин И.В. (1954) «Марксизм и национальный вопрос» // Сталин И.В. *Сочинения*. Т. 3. М.: Политиздат: 290—367.
- Франко І. (1906) «Українська трибуна в Росії» // *Literaturno-naukovyi vistnyk*, т. 35, кн. 8: 335—340.
- Шевченко Т. (1957) *Кобзар*. Київ: Державне видавництво художньої літератури.
- Энгельс Ф. (1960) «Какое дело рабочему классу до Польши?» // Маркс К. и Ф.Энгельс. *Собрание сочинений*. Т. 16. М.: Политиздат: 156—166.
- Castille H. (1856) *Histoire de la seconde République française*. Vol. 4. Paris: Lecou.
- Custine A. de. (1843a) *La Russie en 1839*. Vol. 3. Paris: Amyot.
- Custine A. de. (1843b) *The Empire of the Czar*. London: Longman.
- Grużewski T. (1904) «Dawne i obecne pojęcia o Rosyi» // Grużewski T. *Państwowość rosyjska: serya rozpraw i artykułów politycznych*. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze: 1—21.
- Jaszowski B. (1895) *Zbiór kazań na rozmaite uroczystości: które wygłosił w kościołach lwowskich*. Lwów: W.Kuczabiński.
- Jesser F. (1916) «Vom deutsch tyrannisterten österreichischen Völkergefängnis» // *Deutscher Wille: Des Kunstwart*, Heft 4: 176—181.
- Kiczura M. (1903) «Die Lage der Ruthenen in Amerika und die römische Kurie» // *Ruthenische Revue*, no. 6: 136—140.
- [Kraszewski J.I.] (1865) *My i Oni: Obrazek współczesny narysowany z natury przez B.Bolesławitę*. Poznań: J.K.Żupański.
- Kuschnir W. (1915) «Gedanken über den Krieg» // *Ukrainische Rundschau*, no. 3: 92—95.
- Liebknecht W. (1878) *Zur orientalischen Frage oder Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk*. Leipzig: Comissions Verlag.
- Lozyns'kyi M. (1915) «Comment les Polonais comprennent leur liberté» // *La revue ukraienn*, t. 1, no. 6: 111—120.
- Lubieński E. (1852) *Guerres et révolutions d'Italie en 1848 et 1849*. Paris: Lecoffre.
- «Lud» // *Słownik języka polskiego PWN*. URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/lud;2479379.html> (accessed on 15.05.2022).
- «Manifest ukraiński». (1912) // *Naprzód*, no. 137: 2—3.
- Parabellum. (1915) «Annexionen und Sozialdemokratie» // *Berner Tagwacht*, no. 252—263.
- Puluł J. (1915) *Ukraina und ihre internationale politische Bedeutung*. Wien: Bund zur Befreiung der Ukraina.
- Rosen G. (1887) «Rußlands Ländergier» // *Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart*, Bd. 1, Januar-März: 288—310.
- The Life of Gov. Louis Kossuth: with His Public Speeches in the United States, and a Brief History of the Hungarian War of Independence*. (1852) New York: W.Lord.

K.V.Dushenko
“PRISON OF PEOPLES”:
BIRTH OF METAPHOR

Konstantin V. Dushenko — Ph.D. in History; Senior Researcher at the Department of Cultural Studies of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Email: kdushenko@nlh.ru.

Abstract. The article discusses the emergence of the image of the prison of peoples in the European culture. Most often, this image is traced back to the book by Astolf de Custine “Russia in 1839”. However, de Custine, in essence, talks only about one enslaved people in the Russian Empire, namely the Polish. The idea about the prison of peoples took root only after the “non-historical” peoples of the Central and Eastern Europe entered the political scene. The image of Russia as a prison of peoples dates back to the Polish and even more so to the Ukrainian literature and journalism. In the Ukrainian press, referring to Russia as a prison of peoples becomes common practice in the 1900s. Mikhail Grushevsky in his article “Unity or disintegration?” presents this metaphor in its most extensive form. The image of the prison of peoples played an important role in the program documents of the Austrophile Ukrainian organizations of the First World War era. At the same time, Ukrainian leaders did not forget about Polish nationalism, which “would like to build a new „prison of peoples“” in a revived Poland. In the Polish press in 1900—1917 the prison of peoples was mentioned less frequently, and not in program documents. Lenin most probably borrowed the formula “prison of peoples” from the Ukrainian or Polish press. From Lenin’s journalism it moved into the Soviet political language. Until the First World War, Russia was referred to almost exclusively as the prison of peoples; then the metaphor began to be applied to other countries, primarily to Austria-Hungary.

Keywords: political language, nationalism, empire, Russian-Ukrainian relations, Astolf de Custine, Józef Ignacy Kraszewski, Mikhail Grushevsky, Vladimir Lenin

References

- Ashukin N.S. and M.G.Ashukina. (1960) *Krylatye slova: Literaturnye tsitaty. Obraznye vyrazhenija* [Winged Words: Literary Quotations. Figurative Expressions]. Moscow: Khudozhestvennaja literatura. (In Russ.)
- Castille H. (1856) *Histoire de la seconde République française*. Vol. 4. Paris: Lecou.

- Custine A. de. (1843a) *La Russie en 1839*. Vol. 3. Paris: Amyot.
- Custine A. de. (1843b) *The Empire of the Czar*. London: Longman.
- Custine A. de. (2008) *Rossija v 1839 godu* [La Russie en 1839]. St Petersburg: Kruga. (In Russ.)
- “Do gromads’koj dumki Evropi!” [To the Public Opinion of Europe!] (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 2. (In Ukr.)
- “Do ukraïns’kogo narodu v Rosii!” [To the Ukrainian People in Russia]. (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 8. (In Ukr.)
- Dushenko K.V. (2019a) “Dva Petra i dva Peterburga: Mitskevich i Pushkin” [Two Peters and Two Petersburgs: Mickiewicz and Pushkin] // *Chelovek: obraz i sushchnost’* [Human Being: Image and Essence], no 5: 202–234. (In Russ.)
- Dushenko K.V. (2019b) *Russkaja istorija v izrechenijakh i tsitatakh: Spravochnik* [Russian History in Sayings and Quotations: a Handbook]. Moscow: Azbuka-Attikus. (In Russ.)
- Engels F. (1960) “Kakoe delo rabochemu klassu do Pol’shi?” [Was hat die Arbeiterklasse mit Polen zu tun?] // Marks K. and F.Engels. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 16. Moscow: Politizdat: 156–166. (In Russ.)
- Franko I. (1906) “Ukraïns’ka tribuna v Rosii” [Ukrainian Tribune in Russia] // *Literaturno-naukovyj vistryk* [Literary and Scientific Bulletin], vol. 35, no. 8: 335–340. (In Ukr.)
- Grushevsky M.S. (1906) “Edinstvo ili raspadenie?” [Unity or Disintegration?] // *Ukrainskij vestnik* [Ukrainian Bulletin], no. 3: 139–151. (In Russ.)
- Grużewski T. (1904) “Dawne i obecne pojęcia o Rosyi” // Grużewski T. *Państwowość rosyjska: serya rozpraw i artykułów politycznych*. Lwów: Towarzystwo Wydawnicze: 1–21.
- Jaszowski B. (1895) *Zbiór kazań na rozmaite uroczystości: które wygłosił w kościołach lwowskich*. Lwów: W.Kuczabiński.
- Jesser F. (1916) “Vom deutsch tyrannisterten österreichischen Völkergefängnis” // *Deutscher Wille: Des Kunstwart*, Heft 4: 176–181.
- Kiczura M. (1903) “Die Lage der Ruthenen in Amerika und die römische Kurie” // *Ruthenische Revue*, no. 6: 136–140.
- Kosevich E. (1900) “Nad s’vizhoju mogiloju” [Over a Fresh Grave] // *Moloda Ukraïna* [Young Ukraine], vol. 1, no. 9/10: 341–349. (In Ukr.)
- [Kraszewski J.I.] (1865) *My i Oni: Obrazek współczesny narysowany z natury przez B.Bolesławitę*. Poznań: J.K.Żupański.
- Kuschnir W. (1915) “Gedanken uber den Krieg” // *Ukrainische Rundschau*, no. 3: 92–95.
- Lenin V.I. (1969a) “K voprosu o natsional’noj politike” [On the Issue of National Policy] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 25. Moscow: Politizdat: 64–72. (In Russ.)
- Lenin V.I. (1969b) “O natsional’noj gordosti velikorossov” [On the National Pride of the Great Russians] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 26. Moscow: Politizdat: 106–110. (In Russ.)

Lenin V.I. (1969c) “Revolutsionnyj proletariat i pravo natsij na samoopredelenie” [The Revolutionary Proletariat and the Right of Nations to Self-Determination] // Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works]. Vol. 27. Moscow: Politizdat: 61—68. (In Russ.)

Lieb knecht W. (1878) *Zur orientalischen Frage oder Soll Europa kosakisch werden? Ein Mahnwort an das deutsche Volk*. Leipzig: Comissions Verlag.

Lozyns'kyi M. (1915) “Comment les Polonais comprennent leur liberté” // *La revue ukraïenn*, t. 1, no. 6: 111—120.

Łubieński E. (1852) *Guerres et révolutions d'Italie en 1848 et 1849*. Paris: Lecoffre.

“Lud” // *Słownik języka polskiego PWN*. URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/lud;2479379.html> (accessed on 15.05.2022).

“Manifest ukraiński”. (1912) // *Naprzód*, no. 137: 2—3.

Mickiewicz A. (1952) *Sobranie sochinenii: V 5 t.* [Complete Works: In 5 Vol.]. Vol. 3. Moscow: Khudozhestvennaja literatura. (In Russ.)

“Nasha platforma” [Our Platform]. (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 1—2. (In Ukr.)

Parabellum. (1915) “Annexionen und Sozialdemokratie” // *Berner Tagwacht*, no. 252—263.

Puluł J. (1915) *Ukraina und ihre internationale politische Bedeutung*. Wien: Bund zur Befreiung der Ukraina.

Rosen G. (1887) “Rußlands Ländergier” // *Deutsche Revue über das gesamte nationale Leben der Gegenwart*, Bd. 1, Januar-März: 288—310.

Ruchka Yu. (1915) *Rosijs'ki sotsialisti i teperishnja vijna* [Russian Socialists and the Current War]. [Vienna?]: Partijna drukarnja. (In Ukr.)

Savitskii S. (2014) “Formirovanie parka kul'tury i otdykha v Petergofe” [Formation of a Recreation Park in Peterhof] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], no. 2: 132—140. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/126-2014> (accessed on 14.03.2021). (In Russ.)

Shevchenko T. (1957) *Kobzar*. Kyiv: Derzhavne vidavnistvo khudozhn'oj literaturi. (In Ukr.)

Stalin I.V. (1954) “Marksizm i natsional'nyj vopros” [Marxism and the National Question] // Stalin I.V. *Sochinenija* [Works]. Vol. 3. Moscow: Politizdat: 290—367. (In Russ.)

The Life of Gov. Louis Kossuth: with His Public Speeches in the United States, and a Brief History of the Hungarian War of Independence. (1852) New York: W.Lord.

“Vidozva Sojuzu vizvolennja Ukraïni do bolgars'kogo narodu” [Appeal of the Union of the Liberation of Ukraine to the Bulgarian People]. (1914) // *Visnik Sojuzu vizvolennja Ukraïni* [Bulletin of the Union for the Liberation of Ukraine], no. 1: 4—5. (In Ukr.)